

**"И память о войне
нам книга оживляет..."**

МО Богданович, 2025 год

Муниципальное дошкольное образовательное учреждение
"Центр развития ребенка - детский сад №2
"Радуга Детства"

Сборник стихов, посвященных
80-летию Победы в
Великой Отечественной войне,
использованных в рамках ежегодного
областного конкурса
патриотической поэзии
"Солдатский треугольник - 2025!"

Уважаемые участники!

Как далеко от нас ушла та страшная война. Мы с Вами не знаем тех ужасов, которые довелось пережить нашим дедам и прадедам. Но память, которую мы обязаны свято чтить, нам оставляют книги. Самый красивый и проникновенный жанр литературы – поэзия. А стихи о войне пронзительны и откровенны.

В этом году мы отмечаем 80-летие Великой Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Все меньше остается среди нас участников тех кровавых событий, людей, переживших все её тяготы. Но с нами остаются произведения о войне писателей и поэтов, написанные непосредственными участниками боевых сражений, для которых война – это Память. Слово писателя на войне трудно переоценить. Меткое, разящее, возвышающее слово, стихотворение, песня, частушка, яркий героический образ бойца или командира – они вдохновляли воинов на подвиги, вели к Победе.

Время не в силах снизить интерес к этой теме, и мы вновь и вновь обращаемся к произведениям о Великой Отечественной войне

День Победы уже много десятилетий остаётся самым важным и душевным праздником в России. В этот день мы с благодарностью вспоминаем наших ветеранов, а также скорбим обо всех погибших в боях и замученных в плену.

Этой знаменательной дате был посвящен областной поэтический конкурс чтецов «Солдатский треугольник», который стал традиционным и уже много лет проходит в муниципальном дошкольном образовательном учреждении «Центр развития ребенка – детский сад №2 «Радуга Детства». В нем ежегодно принимают участие педагоги дошкольных организаций и школ МО

Богданович, МО Сухой Лог, Камышловского городского округа, городского округа Каменск Уральский, Белоярского района, студенты Камышловского педагогического колледжа и других организаций.

В этом году по итогам конкурса был создан этот сборник, который получил название **«И память о войне нам книга оживляет...»**.

Темы стихов самые разнообразные. Они о подвигах солдат Великой Отечественной, о блокаде Ленинграда и стойкости ленинградцев, о детях военной поры и ветеранах Великой Отечественной, о красоте русской природы, которую отстояли солдаты и мирные на земле.

Много стихов посвящено Победе и памятникам погибшим воинам в Чечне, Афганистане, на СВО.

Эти стихи никого не смогут оставить равнодушными, они напомнят о подвигах тех, кого коснулась та ужасная война и кому мы должны быть благодарны за мирное небо над головой.

Содержание

Автор и название стихотворения	Страница
Давид Самойлов – «Сороковые» <i>Читает: Кучеренко Жанна Шартпизановна</i>	7
Венера Ренскова – «Светлой памяти ребят, погибших в СВО, посвящаю!» <i>Читает: Казанцева Екатерина Александровна</i>	7
Н. Некрасова – «Моему брату, который находится на СВО» <i>Читает: Казарманова Марина Викторовна</i>	8
Михаил Исаковский – «Слово о России» <i>Читает: Олфиренко Полина Ивановна</i>	9
Елена Радкевич – Этюд – «Три медсестры» <i>Читают: Струкова Людмила Петровна, Иберфлюс Алена Сергеевна, Лоскутова Полина Анатольевна</i>	11
Юлия Друнина – «Елка» <i>Читает: Горбунова Татьяна Викторовна</i>	12
Эдуард Асадов – «Письмо с фронта» <i>Читает: Невьянцева Светлана Сергеевна</i>	13
Роберт Рождественский – «Летопись» <i>Читает: Ленных Ангелина Владимировна</i>	14
Ольга Берггольц – «Пусть голосуют дети» <i>Читает: Жилкина Дарья Юрьевна</i>	15
Расул Гамзатов – «Нас двадцать миллионов» <i>Читает: Голубева Татьяна Владимировна, Карнаухова Ирина Николаевна</i>	16
Елена Круглова – «Была война» <i>Читает: Рыжкова Наталья Владимировна</i>	18
Степан Щипачев – «Партизанка» <i>Читает: Савченко Елена Васильевна</i>	19
Степан Щипачев – «Октябрь на Урале» <i>Читает: Головырских Анастасия Ивановна</i>	19
Оксана Сведущева – «Мы будем помнить ту войну» <i>Читает: Берсенева Наталья Александровна</i>	21
Булат Окуджава – «До свидания, мальчики», Григорий Поженян – «И все таки мы победили» <i>Читает: Васильева Татьяна Александровна</i>	22
Муса Джалиль – «Варварство» <i>Читают: Бармина Ксения Владимировна, Соколова Светлана Владимировна</i>	23
Людмила Татьяничева – «Ей приснилось, что она Россия» <i>Читает: Смирнова Наталья Викторовна</i>	25
Елена Серанова – «Дети войны» <i>Читает: Титова Татьяна Михайловна</i>	26
Ольга Шабунина – «Письмо любимому» <i>Читают: Донгузова Анастасия Михайловна, Шулакова Екатерина Сергеевна, Лескина Надежда Александровна</i>	27
Константин Симонов – «Родина» <i>Читает: Кротова Юлия Геннадьевна</i>	29
Ольга Худошина – «Разговор матери и дочери в годы войны» <i>Читает: Долгополова Екатерина Васильевна</i>	30
Георгий Рублев – «Это было в мае, на рассвете...» <i>Читает: Мартынова Елена Викторовна</i>	30

Муса Джалиль «Чулочки» Читает: Казанцева Ирина Владимировна	31
Леонид Молчанов – «Баллада о двадцатилетних» и Наталья Колоскова – «Листочек в клеточку» Читают: Камшилова Елена Александровна, Красикова Анастасия Владимировна	32
Матвей Горбанев «Госпиталь» Читает: Мамедова Юлия Андреевна	36
Роберт Рождественский – «Баллада о красках» Читает: Фищенко Татьяна Викторовна	39
Роберт Рождественский – «Концерт (сорок трудный год)» Читает: Мухаматъарова Юлия Радиевна	40
Роберт Рождественский – «210 шагов. Война» Читает: Карп Елена Владимировна	41
Степан Кадашников – «Ветер войны» Читает: Флягина Марина Владимировна	45
Сергей Михалков – «Быль для детей» Читает: Демина Елена Юрьевна	46
Роберт Рождественский – «Баллада о зенитчицах» Читает: Злоденная Анастасия Николаевна	55
Юлия Друнина – «Зинка» Читают: Романовская Марина Станиславовна, Воронцова Надежда Александровна	58
Сергей Погореловский – «Имя» Читают: Хныкина Татьяна Семеновна, Захарова Евгения Александровна, Фетисова Марина Александровна, Спасова Галина Юрьевна	59
Алексей Сурков – «Утро Победы» Читает: Желонкина Екатерина Владимировна	61
Этюд «Женщины войны» Читает: Хайбуллина Мадина Маратовна	61
Надя Вагина – «Лагерная мать» Читает: Голощапова Галина Александровна	65
Марина Смирнова – «Шеврон» Читает: Зибенгар Елена Владимировна	67
Андрей Дементьев – «Баллада о матери» Читает: Захарова Оксана Викторовна	68
Джек Алтаузен – «Девочка играла возле дома» Читают: Алешкина Наталья Николаевна, Белоглазова Екатерина Сергеевна, Черноскутова Лилия Викторовна, Ровнушкина Марина Николаевна, Артемова Светлана Александровна	69
Елена Ключищева – «Письмо деду, пропавшему без вести» Читает: Черноскутова Лилия Викторовна	71
Степан Шипачев – «Расплата» Читает: Андреева Виктория Викторовна	72
Наталья Самкова – «Военным корреспондентам посвящается» Читает: Шаймердинова Валентина Ивановна	72

Давид Самойлов
Сороковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.
Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Венера Ренкова
Светлой памяти ребят, погибших в СВО, посвящаю!

Давайте помолчим... Боль в сердце не унять,
От горькой участи парней, ни в чем невинных,
Всех тех погибших, не вернувшихся ребят,
Что жизнь отдали в СВО на Украине.
Давайте помолчим... Когда их видим снимки -
В военной форме и с улыбкой на устах,
А может с кем - то из родных в обнимку,
И с маленьким сынишкой на руках...
Давайте помолчим... И просто вспомним их,

Всех тех парней, что вместе с журавлями,
Взлетев на небо, свой прощальный клик
Послали напоследок - семьям, маме...
Давайте помолчим... Сочувствуя родным,
И разделяя с ними боль утраты,
Тот, кто терял детей, поймет других,
Своих кровинок потеряв когда-то...
Давайте помолчим... И, сохраняя память
По всем ребятам, не вернувшимся с войны,
Перед собою мысленно представим,
Как не хотели "уходить" они...
Давайте помолчим... Ведь каждый воин - с нами,
И в нашей памяти останется живым,
За упокой их душ поставим свечи в храме,
И, почитав молитву, помолчим...

Н. Некрасова
Моему брату, который находится на СВО

Привет братишка! Андрейка, Родной!
Наш лучик солнца над разбитым миром.
Мы ждем тебя с Победою домой,
Чтоб смехом вновь наполнилась квартира....

И все как раньше в жизни до войны,
Хотя, никто из нас не будет прежним
Таким, как ты, сегодня нет цены
На каждого поставлены надежды.

Ведь там, среди огня и канонад,
Среди полей с поникшими цветами.
Спасает землю русскую Солдат,
Спасает то, что завтра будет с нами.

Ты - наш Герой! Наш Воин! Богатырь!
Держись, Братишка! Вместе до Победы!
Мы с нетерпением ждем с тобой «эфир»-
Пиши, как можно чаще из - за ленты.

Мы все скучаем, милый по тебе,
Обнять бы крепко, как далеко в детстве
И боль забрать, всю боль забрать себе-
Чтоб от объятий размягчилось сердце!

Раненья затянулись и рубцы
Чтоб с новой силой биться за Россию!
Какие же вы, парни, Молодцы!
Господь Вас всех, Защитники помилуй!!!!

Михаил Исаковский
Слово о России

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?
В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной крошечный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...
Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...
Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?

По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, -
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...
Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..
И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землею,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...
Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;

За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!
1944 г.

Елена Радкевич
Эпюд «Три медсестры»

Ах, девочки! Дожить бы до победы!
Сменить кирзу на лаковый каблук
и в легком платье в цвет утреннего неба
пройтись по городу в кругу своих подруг.

Забыть войну и цвет бинтов кровавый!
...За городом над чистой рекой
упасть в цветущие дурмящие травы
и насладиться мирной тишиной...

Забыть войну. И в первый раз влюбиться
в героя или просто паренька,
да так, чтоб с ним на век душой сродниться
и не расстаться больше никогда!

И пусть потом у нас родятся дети:
два мальчика и девочка одна!
И будет вечный мир на белом свете!
Потом...Когда закончится война...

Ах, девочки! Дожить бы до победы!

Светлана Чуева
Письмо медсестры

Мамочка, пожалуйста, прости!
Я ушла однажды на рассвете.
Здесь у нас, как дома, соловьи,
Дует шаловливый южный ветер.

Яркая зелёная трава,
Белые берёзки над оврагом.
Мысли здесь другие и слова...
Боль и смерть все время ходят рядом.

Был вчера у нас тяжёлый бой,
Многие в траве лежать остались.
Смерти все равно, что молодой -
Ей непостижимо слово " жалость".

Смерти все равно, что дома ждут,
Верят, что вернётся невредимый.
Видно, у судьбы другой расчет -
Пули не всегда проходят мимо.

Кровью захлебнулся медсанбат,
Болью и отчаяньем безмерным.
Как же было больно их терять,
Как же было страшно им наверно...

Мама, не волнуйся за меня!
Буду я предельно осторожной.
Знай, что унесу из под огня
Тех, кого спасти ещё возможно.

Я у смерти многих отберу,
Хоть и тяжело тягаться с нею.
Мам, я обещаю - не умру,
Выживу, поверь мне, я сумею.

Юлия Друнина
Елка

На втором Белорусском еще продолжалось затишье,
Шел к закату короткий последний декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные мыши,
Прибежавшие к нам из сожженных дотла деревень.

Новогоднюю ночь третий раз я на фронте встречала.
Показалось — конца не предвидится этой войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно устала.
(Виновато затишье — совсем не до грусти в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки ребята:
— Почему ты одна? И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю, на злой ветерок из землянки.
Посмотрела на небо — ракета ль сгорела, звезда?
Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда минометы палили незнамо куда.

А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица елка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?

Не игрушки на ней, а натертые гильзы блестели,
Между банок с тушенкой трофейный висел шоколад...
Рукавицею трогая лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела на сразу притихших ребят.

Дорогие мои д`артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти, всю жизнь!
Я зарылась лицом в эти детством пропахшие ветки...
Вдруг обвал артналета и чья-то команда: «Ложись!»

Контратака! Пробил санитарную сумку осколок,
Я бинтую ребят на взбесившемся черном снегу...

Сколько было потом новогодних сверкающих елок!
Их забыла, а эту забыть не могу...

Эдуард Асадов
Письмо с фронта

Мама! Тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую — слов даже нет!
Читаешь письмо ты, а видишь мальчишку,
Немного лентяя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.
Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник «украшал»,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне:
Приятели, книжки, московские споры —
Все — сказка, все в дымке, как снежные горы...
Пусть так, возвратимся — оценим вдвойне!
Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки...
За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры —
Ты здесь, ты со мною, родная моя!
В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.
И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!
1943 г.

Роберт Рождественский
Летопись

Ой, пришла беда в землю отчую!
Похваляясь, шли враги на Русь.
И таким большим было их число,
что его пока не придумали.
Были реки от крови
красным-красны,
было небо от дыма
черным-черно,
громче грома был храп чужих коней,
блеск чужих мечей - ярче молнии.

От беды такой стены трескались.
От беды такой гнулись звонницы.
И колокола наземь рушились,
будто головы с богатырских плеч.
Шли дожди в тот год из каленых стрел.

Из горячих слез все ручьи текли.
Не рождались в тот год птицы певчие,
а рождались одни только вороны...

Поднялась Земля супротив беды,
супротив врага-погубителя.
Вперекор врагу поднялся народ,
Грянул смертный бой нескончаемый!
Даже мертвые оживали вновь,
выходили они из сырых могил,
чтоб живым помочь в битве яростной,
чтобы вновь принять смерть за Родину!
А кто слабым был - сильным стал тогда.
А кто сильным был - стал еще сильнее.

И кричали враги потрясенные:
"Может, русские заколдованы?!"
Их сожжешь огнем, а они живут!
Их пронзишь стрелой, а они живут!
Их убьешь сто раз, а они живут!
А они живут и сражаются!..."

Были реки от крови
красным-красны
было небо от дыма
черным-черно...
И была Земля, неподвластная
никакому врагу на века веков!

Ольга Берггольц
Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала,
При нём снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало.
А мальчику в то время было пять.
Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.
Лежал тихонько на солдатской койке,
обрубки рук вдоль тела протянув...

О, детская невыносимая стойкость!
Проклятье разжигающим войну!
Проклятье тем, кто там, за океаном,
за бомбовозом строит бомбовоз,
и ждет невыплаканных детских слез,
и детям мира вновь готовит раны.
О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
не походя на все земные звуки,
стучат коротенькие костыли.
И я хочу, чтоб, не простив обиды,
везде, где люди защищают мир,
являлись маленькие инвалиды,
как равные с храбрейшими людьми.
Пусть ветеран, которому от роду
двенадцать лет,
когда замрут вокруг,
за прочный мир,
за счастье народов
подымет ввысь обрубки детских рук.
Пусть уличит истерзанное детство
тех, кто войну готовит, — навсегда,
чтоб некуда им больше было деться
от нашего грядущего суда.

Расул Гамзатов
Нас двадцать миллионов

Нас двадцать миллионов.
От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабываемых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми,
И мальчиками снимся матерям.
А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.
Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.

Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.
Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.
И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то
И перед осуждением вины.
Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.
Как на медалях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.
И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.
Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув,
вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.
И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.
Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству
сопричесть,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.
Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Круглова Елена
Стихотворение — диалог «Была война»

Скажи мне, бабушка, ты на войне бывала? Ты тоже в молодости воевала?
Отец мой воевал, любимая моя,
А я в то время, знаешь, была совсем мала.
И много я еще не понимала,
Вопросы своей маме задавала.
- Наверно трудно было жить в войну тебе?
- Я спрашивала маму " Почему.....так мало хлеба на столе?"
И мама отвечала мне: " Ох доченька моя..... все эта - страшная война"
Когда спросила я ее: "Где мой отец и брат?". И мама говорила мне: "Они,
дочурка, на войне, и каждый - доблестный солдат....»
И слезы по щекам текли,
Но мы надежду берегли
Что все увидимся опять,
И эту страшную войну
Не будем больше вспоминать...
- А мама добрая твоя тебя кормила, берегла, тебя, наверно, обнимала и твои
слезы утирала?
- Ты знаешь, помню....
на столе лежит горбушка хлеба,
и мама в руку ложит мне, сама что не поела.
Я поделилась хлебом с ней,
Но есть она не стала.
Соседской девочке дала....
Вчера еще была у ней заботливая мама.
Я мамочку свою любила, и та девчонка тоже, её мы взяли жить к себе, кто ей
еще поможет?
Был голод, люди умирали, без смерти не было ни дня...
Но до конца войны в семье дожить смогла лишь только я...
Фашизм, тебя я ненавижу!
За смерть, концлагерь, детский дом.
Весна, ты принесла Победу
И новость страшную как гром...
Никто: ни брат мой, ни отец
С войны домой не возвратились.
И эта новость навсегда

осколком в сердце больно впилась.
Вот, внученька моя родная,
Хоть не была я на войне,
Но с болью в сердце вспоминаю,
И не забыть все это мне
И потому я каждый май
Несу гвоздики к обелиску.
Ты это тоже вспоминай
И своим детям передай....
- Да, бабушка, война ужасна,
Запомню я, пройдут года,
Но память о моих родных
Во мне останется всегда!

Степан Щипачев
Партизанка

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селеньи, на краю,
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь любимую твою.

В снежинках всю ее мы положили
В избе просторной посреди села.
Еще о ней мы песен не сложили,
Но жизнь ее — вся песнею была.

Щипачев Степан
Октябрь на Урале

Октябрь...
Двадцать шестое...
Зал аплодирует
стоя.
Полны все ярусы, все балконы.
Рабочие кепки...
Шинели фронтовиков...

В президиуме
всем знакомые
Малышев, Вайнер, Хохряков*.
Ложатся слова, как истории грани.
Оратор в тужурке, в пимах.
На улице
ранняя
поземкой метет зима.
Над городом
в звездах морозной ночи
склонилось небо широким плечом,
и Вайнер, трибун и любимец рабочих,
выйдет на улицу, разгорячен.
Поземке бежать с ним рядом.
Колючему ветру касаться щек...
Знамена красногвардейских отрядов
пулями не пробиты еще.
Еще не оплакивала верхисетцев
у братской могилы трубная медь,
и Вайнера жаркое сердце
по-прежнему хочет дерзать и сметь.
И Малышева у Златоуста
еще засада не подстерегла.
Он выйдет под звезды тусклые,
свернет на улицу от угла.
Ему шагать, не сутулиться.
Он эту улицу знает давно,
не знает только, что этой улице
будет имя его дано.
Еще колчаковцы с рук не сдирали
перчатки кровавые кожи живой,
и правда рабочая на Урале
ходит с поднятой головой.
Она сегодня за все в ответе,
Советской власти вручая права.
Гуляет по залу балтийский ветер.
Матрос Хохряков бросает слова:
«Восстание», «Ленин», «рабочий класс».
Он в черном бушлате, широкоплечий.
Зал снова поднялся.
Словам навстречу
сияют тысячи глаз.

Сведущева Оксана
Мы будем помнить ту войну

Мы будем помнить ту войну
С той войны прошло много лет,
Когда брат сражался за брата!
Когда страны одна за другой
Отправляли на фронт солдата!
Когда крепким был наш союз,
И сыны той Великой державы:
Украинец, русский, белорус
От фашизма народ защищали.
В той войне был враг побеждён,
Снова мирное небо настало.
Из руин мы подняли страну,
Солнце ясно для нас засияло.
Но вернулась опять беда,
И фашисты атаковали.
Наши братские города,
С кем мы вместе давно воевали.
Украина, родная их мать,
Предала, никого не жалея,
Заставляя народ свой страдать
От нацистов, и даже детей.
Столько лет им пришлось терпеть?!
Унижение, голод и смерть,
Деток тех уже не вернуть,
Это горе никак не стереть.
И Донбассские города
Попросили защиты у нас.
Мы поможем, мы защитим,
Вся страна и родной Кузбасс.
Снова в бой солдаты идут.
Наши братья, мужья и отцы.
Снова женщины слёзы льют,
Когда гибнут наши бойцы.
Но мы та же великая Русь!
Русский дух живёт в каждом из нас!
И как прежде мы всей страной
Освободим от фашизма Донбасс.
Мы поддержим бойцов своих,
Кто одеждой, а кто едой,
Кто-то песню споёт, кто-то стих,
Каждый житель сделал вклад свой.

Сколько будет пролито слёз?
Сколько будет ещё смертей?
Всё равно мы докажем всем,
Что Россия фашизма сильнее!
И я верю, придёт тот день,
Когда смолкнет грохот гранат,
И бойцы вернутся домой,
И опять всех спасёт наш солдат.
Возродиться святая Русь,
Её дети вернутся к ней.
Станет снова великим союз!
И не будет державы сильнее!

Булат Окуджава
До свидания, мальчики
Григорий Поженян
И всё-таки мы победили

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли —
Повзрослели они до поры,
На пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом — солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат
И себя не щадите, и все-таки
Постарайтесь вернуться назад.
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб — разлуки и дым,
Наши девочки платица белые
Раздали сестренкам своим.
Сапоги — ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки!

Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.

А было вначале, солгать не могу,
Буксиры молчали на том берегу,
На том берегу, на том берегу
На том берегу, где мы были.
А мы покидали свои города,
И в них оставалась душа навсегда.
И всё-таки, и всё-таки,
И всё-таки мы победили!
Ушанки чернели на алом снегу,
И губы немели на том берегу,
На том берегу, на том берегу,
На том берегу, где мы были.
За каждой спиною был свой Сталинград,
И в мёрзлых траншеях - ни шагу назад!
И всё-таки, и всё-таки,
И всё-таки мы победили!
И выцвела соль у солдатских рубах,
Та соль возвращенья, как мёд на губах,
На том берегу, на том берегу,
На том берегу, где мы были.
И сколько бы нас ни осталось в живых,
Жив голос погибших друзей боевых.
И всё-таки, и всё-таки,
И всё-таки мы победили!

Муса Джалиль **Варварство**

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хрипыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь
Гудел в листве соседних рощ
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня...

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за подола.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!
Все понял, понял все малютка.
— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! —
Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —
И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно.—
И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?
Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,
Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

Людмила Татьяничева
Ей приснилось, что она - Россия

Пуля, жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!

От глухих рыданий обессилев,
Задремала. И приснилось ей,
Будто бы она - сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.

Будто в поле, вихрем опаленном,
Где последний догорает бой,
Кличет, называя поименно,
Сыновей, что не придут домой.

Беззаветно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна...

Свет дымится; он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В изголовье Вечность им кладет.

А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она - Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

Елена Серанова
Дети войны

Отец мой в ту войну не воевал-
Годами был для фронта слишком молод.
Но не по-детски рано испытал
Все тяготы войны и лютый голод.

Ах, этот голод! Как же он терзал,
Как мучил тело, затмевая разум...
А хлеба пай был так ничтожно мал,
Что проглотить его хотелось сразу.

Да и чего там было оставлять?-
Не разделить того, что меньше мала!
За стенкою вздыхала горько мать
И к детским крохам хлеб свой добавляла...

Сама же тихо тая как свеча,
Не жаловалась, на завод бежала,
Где не хватало сильного плеча.
И вопреки всему, семья держалась.

Чтоб мирная скорей пришла весна
Мужья домой вернулись, братья, деды,
Трудился тыл без отдыха и сна,
Все силы отдавая для Победы!

Подростки с матерями встали в ряд.
Вмиг повзрослев, забыли про игрушки.
А в хатах вечерами для солдат
Кисеты шили дети и старушки.

Отец мой в ту войну не воевал-
Годами был для фронта слишком молод.
Но помнит... никогда не забывал,
Все тяготы войны и лютый голод.

Ольга Шабунина
Письмо любимому

Наверное, стала я сентиментальной..
Порою слезинка "пробежит" из глаз..
Уехал ты.. А я осталась..
Военный ты.. И у тебя приказ! .
Я проводила тебя,
милый, в путь далёкий,
Оставил в сердце ты моем
любовь свою,
Ты только помни- ты не одинокий,
Ты слышишь!?
Я тебя ЛЮБЛЮ!!! Люблю!!!
С тобой я рядом!!
Ты -со мною!!!
Ты в моих мыслях,
Каждый миг..
Я справлюсь, слышишь,
С этой болью,
Ведь расставание на "миг"..
Я жду тебя!
Ты возвращайся!
И крепко, крепко обними!
А я к тебе, родной, хочу прижаться,
И видеть лишь глаза твои!
Никита.. Мой сын,
Один из трёх..
Мой львёнок..
Я никогда тебя не выделяла,
Вы были для меня равны,
Я вас всегда благословляла,
Наша сила только в любви.
Ты прошёл уже срочную службу,
ВДВ выбрал ты,
Я тебя, сынок, понимаю,
Военная форма мечты!
"С любых высот в любое пекло,
С небес на землю прямо в бой, "-
Ты говорил всегда мне это,
Девиз ваш службы боевой!
Так случилось, что жизнь разорвалась,
Разделилась на «после»
и «до»,

24-го всё поменялось,
Ты «уехал» на СВО....
Я пишу, пропуская сквозь сердце
Боль тревоги и веру в тебя,
Понимая, что ты уже взрослый,
Но всегда «дитя» для меня.
Мы с тобою договорились,
Не всегда есть возможность звонить,
Мы придумали ключевое слово,
Чтоб ты мог о себе сообщить!
Ну, слава Богу, что увидеть
Смогли мы в отпуске тебя,
Твои награды боевые,
Прижать тебя к себе, любя!
Ты стал отцом уже, сыночек,
Теперь и ты поймёшь меня,
Ведь ждёт тебя и подрастает дочка,
Родная Эвушка твоя.
Ты пишешь мне
Про «зоопарк» ваш - собаки две, котёнок, попугай,
Что там заботитесь о «братьях меньших»,
Конечно, ты им помогай...
Я не думала,
что придётся
пережить тебе ужас войны,
Пусть душа твоя «не сдаётся»,
Не сломается от злобы.
Наши дети..
Вам выпала доля
Снова встать на защиту страны,
А мы молимся, просим Бога,
Чтоб вернулись живыми вы!

ПИСЬМО ПАПЕ

Дорогой мой папа,
Я пишу письмо,
Ты сейчас не дома,
Ты так далеко..
Ты не беспокойся,
У нас всё хорошо,
Я помогаю маме,
Сейчас пойдём в кино.
Помнишь, мы с тобою

Гулять ходили в парк ,
Ты мне купил игрушку,
Билеты в зоопарк.
Я со слонёнком этим
Всё время говорю,
Как будто ты со мною,
И я ему пою.
Ты папочка-герой мой,
Ты сильный и большой,
Я знаю, что ты справишься
С этою войной!
Мы по тебе скучаем,
Я всё смотрю в окно,
Когда приедешь, вместе
Пойдём с тобой в кино!

Константин Симонов
Родина

Касаясь трёх великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.
Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Всё, что у нас осталось вдалеке,
Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой её ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,

Идти на смерть... Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

Ольга Худошина
Разговор матери и дочери в годы войны

- Мама, а правда, солдаты не плачут?
 - Да, правда, доченька, им не до слез!
Слезы для нас, матерей, много значат,
А для бойцов это все не всерьез.
 - Я слышала, мама, ты плакала ночью,
И я тихо плакала вместе с тобой.
Ну как не серьезно? Ну как превозмочь их?
Те слезы, от горя что льются рекой...
 - От горьких страданий их фронт отделяет,
И пули открыться душе не дают,
Но, как и мы, они тоже страдают,
Не ведая, сколько еще проживут.
 - Как же сильны они духом, мама,
Если сквозь страх на смерть идут!
Как же назвать все их имена нам?
 - Солдаты Отчизны их люди зовут.
- Конечно, я знаю, солдаты не плачут,
Но слезы так часто бегут по щекам.
Не плачьте, родные, все стало иначе:
Мы в мире живем! Спасибо всем вам!

Георгий Рублев
Это было в мае на рассвете

Это было в мае, на рассвете.
Нарастал у стен рейхстага бой.
Девочку немецкую заметил
Наш солдат на пыльной мостовой.
У столба, дрожа, она стояла,
В голубых глазах застыл испуг.
И куски свистящего металла
Смерть и муки сеяли вокруг.

Тут он вспомнил, как прощаясь летом
Он свою дочурку целовал.
Может быть отец девчонки этой
Дочь его родную расстрелял.
Но тогда, в Берлине, под обстрелом
Полз боец, и телом заслоня
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня.
И, погладив ласковой ладонью,
Он её на землю опустил.
Говорят, что утром маршал Конев
Сталину об этом доложил.
Скольким детям возвратили детство,
Подарили радость и весну
Рядовые Армии Советской
Люди, победившие войну!
И в Берлине, в праздничную дату,
Был воздвигнут, чтоб стоять века,
Памятник Советскому солдату
С девочкой спасенной на руках.
Он стоит, как символ нашей славы,
Как маяк, светящийся во мгле.
Это он, солдат моей державы,
Охраняет мир на всей земле.

Муса Джалиль
Чулочки

Их расстреляли на рассвете
Когда еще белела мгла,
Там были женщины и дети
И эта девочка была.

Сперва велели им раздеться,
Затем к обрыву стать спиной,
И вдруг раздался голос детский
Наивный, чистый и живой:

-Чулочки тоже снять мне, дядя?
Не упрекая, не браня,
Смотрели прямо в душу глядя
Трехлетней девочки глаза.

«Чулочки тоже..?»
И смятеньем эсесовец объят.
Рука сама собой в волнении
Вдруг опускает автомат.

И снова скован взглядом детским,
И кажется, что в землю врос.

«Глаза, как у моей Утины» —
В смятеньи смутном произнес,
Овеянный невольной дрожью.

Нет! Он убить ее не сможет,
Но дал он очередь спеша...
Упала девочка в чулочках.
Снять не успела, не смогла.

Солдат, солдат, а если б дочка
Твоя вот здесь бы так легла,
И это маленькое сердце
Пробито пулею твоей.

Ты человек не просто немец,
Ты страшный зверь среди людей.
Шагал эсесовец упрямо,
Шагал, не подымая глаз.

Впервые может эта дума
В сознании отравленном зажглась,
И снова взгляд светился детский,
И снова слышится опять,
И не забудется навеки
«ЧУЛОЧКИ, ДЯДЯ, ТОЖЕ СНЯТЬ?»

Леонид Молчанов
Балада о двадцатилетних
Наталья Колоскова
Листочек в клеточку

Навсегда двадцатилетним -
прожившим так мало...

Улетают секунды в прошлое,
Им обратной дороги нет.
Что с того, что мы мало прожили?
Что с того, что нам двадцать лет?
Захватили житейские хлопоты,
Мы идем навстречу ветрам.
Нам порой не хватает опыта,
Не хватает нежности нам.
Не хватает написанной песни,
Не хватает счастливых дней,
Но еще никому не известно,
С чем мы встретимся в жизни своей.
Может быть, через год, через месяц,
Через день,
через час,
через миг
Мне придется судьбу свою взвесить,
Оценить - что узнал, что достиг,
Разграничить, что было - что стало,
Разделить темноту и свет,
Что с того, что мы прожили мало?!
Что с того, что нам двадцать лет?!
Мы с рождением не опоздали:
И на нас хватает сейчас
И дорог, и огня, и стали,
И боев хватает на нас.
Тишина, перебор гитарный...
Не за эту ли тишину
Погибают советские парни,
Не по песням узнав про войну?!
Не прося у смерти отгула,
Провалившись в черный разрыв,
Тишину во дворах Кабула
Неширокою грудью закрыв.
И сияет в глазах поблеклых
Отголоском счастливых снов
Небо синее, словно в окнах
Деревенских российских домов.
Поседев не по возрасту рано,
Не прожив и полжизни земной,
Погибают братья-славяне
Вдалеке от России родной.
Да возможно ль такое? Возможно ли?

Да! Возможно! Сомнений нет!
Что с того, что мы мало прожили?!
Что с того, что нам двадцать лет?!
Мы порою грубы. Простите.
В сердце каждого - свой тайник.
Но спросите у нас, спросите -
Что мы думаем в этот миг.
В миг, когда еще выжить пытаемся,
Замерзая в кровавом снегу,
И с последней гранатой взрываемся,
Чтоб живыми не сдаться врагу.
И поверьте словам, поверьте
Нашим мыслям в последнем бою:
Говорят, что за миг до смерти
Вспоминаешь всю жизнь свою:
Руки матери, запах хлеба,
Скрип калитки в ночной тишине.
Голубое российское небо
В деревенском далеком окне...
И, проваливаясь, падаешь в прошлое,
И обратной дороги нет!
Что с того,
что мы мало прожили?!
Что с того,
что нам двадцать лет?!

Над землёй летели журавли.
Ровным клином в дымке голубой.
На могучих крыльях вдаль несли
Души воинов, принявших бой.
Этот бой был долгим и безжалостным,
Вспышки разрывали темноту.
Роте юных боевых товарищей
Был приказ держать ту высоту.
И они стояли до последнего,
Глядя смерти в жуткие глаза.
А меж тем из-за холма соседнего
Надвигалась сильная гроза.
Вспышки молний, выстрельные всполохи
Вдруг смешались огненной стеной.
А солдаты по приказу Родины
Закрывали высоту собой.
Перед боем паренёк молоденький
На измятом в клеточку листке

Написал письмо домой, на Родину,
Той, что ждёт в родимой стороне.
«Милая, голубка ясноглазая!
Хорошо сейчас в родном краю!
Ты прости, что не сказал ни разу я,
Как тебя, хорошая, люблю!
Как хочу обнять тебя, красавица,
За руки держать, в глаза смотреть,
Видеть, как ты нежно улыбаешься,
Песни под гитару тебе петь.
Как хочу гулять ночами лунными
И мечтать о будущих годах.
О тебе одной, родная думаю,
Вижу образ твой в коротких снах.

Я вернусь, когда холодной просинью
К югу клином журавли летят.
Когда тихим днём в начале осени
Засыпает стёжки листопад.
Или с неба низкого и серого
Будут лить холодные дожди.
Я вернусь к тебе, моя любимая!
Ты лишь верь и очень-очень жди!»
Парни все погибли, до последнего,
Все закрыли ясные глаза.
И тогда из-за холма соседнего
Разразилась сильная гроза.
А когда на высоту отбитую
Через ливень наши подошли –
На груди у паренька убитого
Мятый листик в клеточку нашли.
И летел «Тюльпан», и нёс «двухсотые» -
В цинк одетых мальчиков, домой.
Что стояли грудью под высотами,
Чтоб похоронить в земле родной.
Мало жизни им судьба отмерила,
Под холодный спрятала гранит.
А девчонка, что ждала и верила,
Тот листочек в клеточку хранит.
И подолгу смотрит в небо синее,
Где летят, курлыча, журавли.
На могучих крыльях душу милого
Вдаль уносят от родной земли.

Матвей Горбанев
Госпиталь

А в госпитале душные палаты.
А в госпитале замерла война.
Уж спят и офицеры, и солдаты -
Те, на которых держится страна!

Что снится им? Конечно, дом их родный,
Где мама, дети, жизни всей любовь.
И говор тот, певучий и народный.
Ах, все это им снится вновь и вновь.

И путь у них у всех, конечно, разный,
История у каждого своя.
Но их объединяет то бесстрашье,
Что супротив фашизма воронья!

Из разных мест, с Донбасса кто, далече,
Кто видел от начала это зло:
Майдан в палатках, да Одесский вечер.
А кто-то бьет вражину с СВО.

И хочется ребятам поскорее
Вернуться в свой привычный мир - домой!
Там ждут и любят, там всем сердцем верят!
И молят Бога - Ты живи, родной!

Но есть и те, кому спешить не надо,
Ведь дома их уже никто не ждет,
Ведь дома нет, все сметено пожаром,
Фашизмом что давно народ зовет.

Их трое здесь - от мала до велика.
Их горя даже и не передать.
Им смысла жить нет. Все внутри поникло.
Но смысл остался мстить и побеждать!

Они похожи! Да, они похожи!
И койки даже рядом их стоят.
Из разных направлений, ну и что же.
Но о себе ничто не говорят.

Но я не промолчу, скажу тихонько,
Начать, пожалуй, с младшего пора:
Он потерял родителей мальчонкой,
И вырастил его дед-ветеран.

Освобождал когда-то дед Украину!
Европу прошагать хватило сил.
И внука воспитал он так, как надо -
Внук по-советски им воспитан был!

Но наступало времечко лихое.
Бандеровцев воспрянула орда.
На День Победы, самое святое,
Поднялась их кровавая рука.

И в это день, счастливый, светлый, майский
На праздник вышел старый ветеран.
Его избили с криками - «Москаль - ты!»
Он дома так и умер - в орденах.

И внук пошел с Бандерою бороться.
С шестнадцатого года он в строю.
А в сердце, в сердце неизменно бьется:
До самой до Победы я дойду.

А среднего история такая:
В Одессе жили: мама, он и брат.
В семье Победой дорожили, зная,
Какой ценой достался нам Парад.

Как убивали яростно евреев,
В Одессе той, что юмором сльвет,
Как жили и молились все сильнее,
Чтоб не настал сегодня их черед.

Но вот тот день пришел - 2 мая:
Погромы, страх, и профсоюзов дом
Сквозь крики так неистово пылая,
Слизал людей огненным языком.

И там, среди толпы, толпы огромной
Был брат бойца, сгорел он, как и все.
И мать, не пережив такого горя,
В раз заболела и ушла к семье.

Боец примкнул к донбасским ополченцам,
Дерется он уже с десятков лет.
Но помнит он родимую Одессу.
И знает, город будет наш навек.

А старший-то советский наш афганец,
(Все видел он во снах крутой Памир.)
Шинданд прошел, и был в ущельях ранен.
И до войны под Белгородом жил.

Жена была хорошая такая.
И сын женился - внучка родилась.
И выросла уж умница какая!
Должна была пойти в свой первый класс.

Афганец наш семью любил до боли.
Построил дом сам, сливы насажал.
Не знал тогда он никакого горя.
Качели вешал, внученьку качал.

Но вот однажды вышел он за сливой,
И тут - прилет, и все оборвалось.
Семья. Семья его тогда погибла.
И поломалась в миг той жизни ось.

Когда в себя вернулся ни на много,
Он добровольцем сражу же ушел.
И спрашивал он, спрашивал у Бога:
«Зачем ты в сад тогда меня повел?»

Ну вот и все. Вот три судьбы такие.
И что ж вы им прикажите, простить?
Коль звери те считаются живыми,
Бойцы не перестанут мстить и мстить.

Пускай, без рук придется проползти им,
Пускай, без ног, но будут рвать фашизм,
За тех, кого чума эта убила,
Да за свою разбившуюся жизнь!

Ну а сейчас осколки от гранаты,
Реальность в них безжалостно впила.
А в госпитале душные палаты.

А в госпитале замерла война.

Роберт Рождественский
Балада о красках

Был он рыжим, как из рыжиков рагу.
Рыжим, словно апельсины на снегу.
Мать шутила, мать веселою была:
«Я от солнышка сыночка родила...»
А другой был чёрным-чёрным у неё.
Чёрным, будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она, говорила:
«Слишком ночь была черна!...»
В сорок первом, в сорок памятном году
прокричали репродукторы беду.
Оба сына, оба-двое, соль Земли —
поклонились маме в пояс.
И ушли.
Довелось в бою почуять молодым
рыжий бешеный огонь и черный дым,
злую зелень застоявшихся полей,
серый цвет прифронтовых госпиталей.
Оба сына, оба-двое, два крыла,
воевали до победы.
Мать ждала.
Не гневилась, не кляла она судьбу.
Похоронка
обошла её избу.
Повезло ей.
Привалило счастье вдруг.
Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей. Повезло ей! Повезло!—
Оба сына воротились в село.
Оба сына. Оба-двое. Плоть и стать.
Золотистых орденов не сосчитать.
Сыновья сидят рядком — к плечу плечо.
Ноги целы, руки целы — что еще?
Пьют зеленое вино, как повелось...
У обоих изменился цвет волос.
Стали волосы — смертельной белизны!
Видно, много
белой краски
у войны.

Роберт Рождественский
Концерт (сорок трудный год)

Сорок трудный год. Омский госпиталь.

Коридоры сухие и маркие.

Шепчет старая нянечка: «Господи,

До чего же артисты маленькие! »

Мы шагаем палатами длинными.

Мы почти растворяемся в них

С балалайками, с мандолинами

И с большими пачками книг.

Что в программе? В программе — чтение,

Пара песен военных, «правильных»...

Мы в палату тяжелораненных

Входим с трепетом и почтением.

Двое здесь. Майор артиллерии

С ампутированной ногой,

В сумасшедшем бою под Ельней

На себя принявший огонь.

На пришельцев глядит он весело.. .

И другой — до бровей забинтован,

Капитан, таранивший «мессера»

Три недели назад над Ростовом.

Мы вошли. Мы стоим в молчании.

Вдруг срывающимся фальцетом

Абрикосов Гришка отчаянно

Объявляет начало концерта.

А за ним, не вполне совершенно,

Но всюю запевале внимая,

О народной поем, о священной

Так, как мы ее понимаем...

В ней Чапаев сражается заново,

Краснозвездные мчатся танки.

В ней шагают наши в атаки,

А фашисты падают замертво.

Здесь чужое железо плавится,

Здесь и смерть отступать должна.. .

И сказать бы по правде — нравится

Нам такая война.. .

Мы поем.. . Только голос летчика

Раздается, а в нем укор:

«Погодите, постойте, хлопчики.. .

Погодите.. . Умер майор... »

Балалайка всплакнула горестно,
Торопливо, будто в бреду.. .
Вот и все о концерте в госпитале
В том далеком военном году.

Роберт Рождественский
"210 шагов. Война"

Было училище.
Форма - на вырост
Стрельбы с утра.
Строевая – зазря.
Полугодичный
ускоренный выпуск.
И на петлице
два кубаря.
Шел эшелон
по протяжной
России,
Шел на войну
сквозь мельканье берез
«Мы разобьем их!»,
Мы их осилим!»,
«Мы им докажем!» -
гудел паровоз.
Станции –
как новгородское вече.
Мир,
где клокочет людская беда.
Шел эшелон.
А навстречу,
навстречу –
лишь
санитарные поезда.
В глотку не лезла
горячая каша.
Полночь
была, как курок ,
взведена...
«Мы разобьем их!»,
«Мы им докажем!»,
«Мы их осилим!» –
шептал лейтенант.

В тамбуре,
Маясь на стрелках гремящих,
весь продуваемый
сквозняком,
он по дороге взрослел —
этот мальчик —
тонкая шея,
уши торчком...
Только во сне,
Оккупировав полку
в осатанелом
табачном дыму,
Он забывал обо всем
ненадолго.
И улыбался.
Снилось ему
что-то распахнутое
и голубое
Небо,
а может,
морская волна...
“Танки!”
И сразу истошное:
«К бою-у!»
Так они встретились:
Он
и Война.
...Воздух наполнился громом,
гуденьем.
Мир был изломан,
был искажен.
Это
казалось ошибкой,
виденьем,
странным
чудовищным миражом.
Только виденье
не проходило:
следом за танками
у моста
пыльные парни
в серых мундирах
шли
и стреляли от живота.

Дыбились шпалы!
Насыпь качалась!
Кроме пожара,
Не видно ни зги!
Будто бы это планета
кончалась
там,
где сейчас наступали
враги.
Будто ее становилось все меньше!..
Ежась
От близких разрывов гранат, -
черный,
растерянный,
онемевший –
в жестком кювете
лежал лейтенант.
Мальчик
лежал посредине России,
Всех ее пашен,
дорог
и осин...
Что же ты, взводный?!
«Докажем!...»,
«Осилим!...»
Вот он -
Фашист
Докажи
И осиль.
Вот он –
фашист!
Оголтело и мощно
воет
его знаменитая
сталь.
Знаю,
Что это почти невозможно.
Знаю, что страшно.
И все-таки
встань!
Встань,
лейтенант!
Встань, лейтенант!
Заклинают просторы,

птицы и звери,
снега и цветы.
Нежная
просит
девчонка,
с которой
так и не смог познакомиться
ты
Просят деревни,
пропахшие гарью.
Солнце
как колокол
в небе гудит!
Просит из будущего
Гагарин.
Ты
не поднимешься —
он
не взлетит.
Просят
твои нерожденные дети.
Просит история!..
И тогда
встал
лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
“Айда!”
Встал
и пошел на врага,
как вслепую.
(Сразу же сделалась влажной спина)
Встал лейтенант!...
И наткнулся
на пулю
Большую и твердую,
как стена
Вздрогнул он,
будто от зимнего ветра.
Падал он медленно,
как нараспев.
Падал он долго...
Упал он
мгновенно...

Он даже выстрелить
не успел!
И для него наступила
сплошная
и бесконечная тишина...
Чем этот бой завершился –
не знаю.
Знаю,
чем кончилась
эта война!
Ждет он меня
за чертой неизбежной
Он мне мерещится
ночью и днем –
худенький мальчик,
всего-то успешный
встать
под огнем
и шагнуть
под огнем.

Степан Кадашников
Ветер войны

Как было много тех героев,
Чьи неизвестны имена.
Навеки их взяла с собою,
В свой край, неведомый, война.
Они сражались беззаветно,
Патрон последний берегли,
Их имена приносит ветром,
Печальным ветром той войны.
Порой слышны, на поле боя,
Через десятки мирных лет:
«Прикрой меня! - прикрою Коля!»
И вспыхнет вдруг ракеты свет.
А Коля, в этом тихом поле,
Лежит, не встанет никогда...
Лишь горький ветер, нам порою,
Напомнит страшные года.
Сегодня мало кто заплачет
Придя к могилам той войны,

Но это все-таки не значит
Что позабыли Колю мы.
Мы помним, помним это горе.
Осталась в памяти война,
И Русское, родное, поле
Приносит ветром имена.

Сергей Михалков
Быль для детей

Летней ночью, на рассвете,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских —
Это значит — против нас.
Он хотел людей свободных
Превратить в рабов голодных,
Навсегда лишить всего.
А упорных и восставших,
На колени не упавших,
Истребить до одного!
Он велел, чтоб разгромили,
Растоптали и сожгли
Все, что дружно мы хранили,
Пуще глаза берегли,
Чтобы мы нужду терпели,
Наших песен петь не смели
Возле дома своего,
Чтобы было все для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих,
Для крестьян и для рабочих —
Ничего!
«Нет! — сказали мы фашистам, —
Не потерпит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».
Мы живем в стране Советской,
Признаем язык немецкий,
Итальянский, датский, шведский
И турецкий признаем,
И английский, и французский,

Но в родном краю по-русски
Пишем, думаем, поем.
Мы тогда лишь вольно дышим,
Если речь родную слышим,
Речь на русском языке,
И в своей столице древней,
И в поселке, и в деревне,
И от дома вдалеке.
Где найдется в мире сила,
Чтобы нас она сломила,
Под ярмом согнула нас
В тех краях, где в дни победы
Наши прадеды и деды
Пировали столько раз?»
И от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки.
Встали, с русскими едины,
Белорусы, латыши,
Люди вольной Украины,
И армяне, и грузины,
Молдаване, чуваша —
Все советские народы
Против общего врага,
Все, кому мила свобода
И Россия дорога!
И, когда Россия встала
В этот трудный грозный час,
«Все — на фронт!» — Москва сказала.
«Все дадим!» — сказал Кузбасс.
«Никогда, — сказали горы, —
Не бывал Урал в долгу!» —
«Хватит нефти для моторов,
Помогу!» — сказал Баку.
«Я богатствами владею,
Их не счесть, хоть век считай!
Ничего не пожалею!» —
Так откликнулся Алтай.
«Мы оставшихся без крова
В дом к себе принять готовы,
Будет кров сиротам дан!» —
Обездоленных встречая,

Казахстану отвечая,
Поклялся Узбекистан.
«Будет каждый верный воин
И накормлен и напоен,
Всей страной обут, одет». —
«Все — на фронт!» — Москва
сказала.
«Все! — страна ей отвечала. —
Все — для будущих побед!»

* * *

Дни бежали и недели,
Шел войне не первый год.
Показал себя на деле
Богатырский наш народ.
Не расскажешь даже в сказке,
Ни словами, ни пером,
Как с врагов летели каски
Под Москвой и под Орлом.
Как, на запад наступая,
Бились красные бойцы —
Наша армия родная,
Наши братья и отцы.
Как сражались партизаны. —
Ими Родина горда!
Как залечивают раны
Боевые города.
Не опишешь в этой были
Всех боев, какие были.
Немцев били там и тут,
Как побили — так салют!
Из Москвы салюты эти
Были слышны всем на свете,
Слышал их и друг и враг.
Раз салют, то значит это —
Над какой-то крышей где-то
Снова взвился красный флаг.
Посмотри по школьной карте,
Где мы были в феврале?
Сколько верст прошли мы в марте
По родной своей земле?
Здесь в апреле мы стояли,
Здесь войска встречали май,
Тут мы столько пленных взяли,
Что попробуй подсчитай!

Слава нашим генералам,
Слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым —
Пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закаленным!
Слава павшим и живым,
От души спасибо им!
Не забудем тех героев,
Что лежат в земле сырой,
Жизнь отдав на поле боя
За народ — за нас с тобой.

* * *

Где бы мы врага ни били,
Где бы враг ни отступал,
Вспоминал всегда о тыле
Наш солдат и генерал:
«Да!
Нельзя добить фашистов
И очистить мир от них
Без московских трактористов,
Без ивановских ткачих,
Без того, кто днем и ночью
В шахтах уголь достает,
Сеет хлеб, снаряды точит,
Плавит сталь, броню кует».
Не расскажешь в этой были
Всех чудес о нашем тыле,
Видно, времечко придет,
И о тружениках честных,
Знаменитых, неизвестных
Сложит песни наш народ.
Без ружья и без гранаты
И от фронта в стороне
Эти люди, как солдаты,
Тоже были на войне.
Никогда мы не забудем
Их геройские дела.
Честь и слава этим людям
И великая хвала!

* * *

Друг за дружкой, пешим строем,
По камням и по траве
Гонят пленных под конвоем,
Гонят к матушке Москве.

Их не десять и не двадцать,
Их не двести пятьдесят —
Может армия набраться
Офицеров и солдат.
Облаками пыль клубится
Над дорогой фронтовой...
Что невесело вам, фрицы?
Что поникли головой?
Вы не ждали, не гадали
Ни во сне, ни наяву —
Только так, как мы сказали,
Попадете вы в Москву.
Мимо вас везут трофеи
В наши русские музеи,
Чтобы людям показать,
Чем вы нас хотели взять.
А навстречу мчат машины
Наших доблестных полков.
— Далеко ли до Берлина? —
Вам кричат с грузовиков.
Облаками пыль клубится...
По дорогам, там и тут,
Душегубы и убийцы
Под конвоем в плен идут...
Пыль... Пыль... Пыль... Пыль...
Продолжаю детям быть!
Под победный грохот пушек
В грозные эти дни
В море, в небе и на суше
Мы сражались не одни.
Руки жал бойцам английским
Русской армии солдат,
А далекий Сан-Франциско
Оказался так же близко,
Как Москва и Ленинград.
С нами рядом, с нами вместе,
Как поток, ломая лед,
Ради вольности и чести
И святой народной мести
За народом встал народ.
— Мы, — сказали югославы, —
Не уступим нашей славы!
Нам под игом не бывать! —
И словаки заявили:

— Нашу волю задавили!
Как же нам не воевать! —
Откололись от Берлина
Итальянцы и румыны:
— Хватит драться за Берлин! —
Неохота и болгарам
Погибать за немца даром:
— Пусть ко дну идет один!
Будет жить француз в Париже,
В Праге — чех, в Афинах — грек.
Не обижен, не унижен
Будет гордый человек!
Города вздохнут свободно —
Ни налетов, ни тревог!
Поезжай куда угодно
По любой из всех дорог!..

* * *

Спать легли однажды дети —
Окна все затемнены,
А проснулись на рассвете —
В окнах свет и нет войны!
Можно больше не прощаться,
И на фронт не провожать,
И налетов не бояться,
И ночных тревог не ждать.
Отменили затемнение,
И теперь на много лет
Людям только для леченья
Будет нужен синий свет.
Люди празднуют Победу!
Весть летит во все концы:
С фронта едут, едут, едут
Наши братья и отцы!
На груди у всех медали,
А у многих — ордена.
Где они не побывали
И в какие только дали
Не бросала их война!
Не расскажешь в этой были,
Что за жизнь они вели:
Как они в Карпатах стыли,
Где рекой, где морем плыли,
Как в восьми столицах жили,
Сколько стран пешком прошли.

Как на улицах Берлина
В час боев нашли рейхстаг,
Как над ним два верных сына —
Русский сын и сын грузина —
Водрузили красный флаг.
От Берлина до Амура,
А потом до Порт-Артура,
Что лежит у теплых вод,
Побывали на Хингане,
Что всегда стоит в тумане,
И на Тихом океане
Свой закончили поход.
Говорит сосед соседу:
— Как домой к себе приеду,
Сразу в школу загляну
И колхозных ребятишек —
Танек, Манек, Федек, Гришек —
Я опять учить начну!
— Ну, а я домой приеду, —
Говорит сосед соседу, —
После фронта отдохну,
Поношу еще с недельку
Гимнастерку и шинельку,
Строить в городе начну,
Что разрушено в войну!
— А по мне колхоз скучает, —
Третий с полки отвечает, —
Мой колхоз под Костромой.
Еду я восьмье сутки
Да считаю все минутки —
Скоро, скоро ли домой!
День и ночь бегут вагоны,
По шоссе идут колонны
Фронтовых грузовиков,
И поют аккордеоны
О делах фронтовиков...

* * *

Не опишешь в этой были
(Не поможет даже стих!),
Как горды солдаты были,
Что народ встречает их,
Их — защитников своих!
И смешались на платформах
С шумной радостной толпой:

Сыновья в военных формах,
И мужья в военных формах,
И отцы в военных формах,
Что с войны пришли домой.
Здравствуй, воин-победитель,
Мой товарищ, друг и брат,
Мой защитник, мой спаситель —
Красной Армии солдат!
Всю войну в любом селенье,
В каждом доме и в избе
Люди думали с волнением,
Вспоминали с восхищеньем
И с любовью о тебе.
И везде тобой гордились,
И нельзя найти семьи,
Дома нет, где б не хранились
Фотографии твои:
В скромных рамках над постелью,
На комоде, на стене,
Где ты снят в своей шинели,
Пешим снят иль на коне,
Снят один ли, с экипажем
В обстановке боевой —
Офицер ты или, скажем,
Пехотинец рядовой.
Наконец-то в час желанный
Нашей сбывшейся мечты —
В час победы долгожданной
В отчий дом вернулся ты!
Но еще таких не мало
Офицеров и солдат,
Смерть которых миновала,
Но задел в бою снаряд.
Если встретишь ты такого,
Молодого, но седого,
Ветерана боевого
(Знак раненья на груди),
Окажи ему услугу,
Помоги ему, как другу,
Равнодушно не пройди!..
* * *

За дела берутся смело
Молодцы-фронтовики,

И в стране любое дело
Им сподручно, им с руки!
Нужно всех советских граждан
Накормить, одеть, обуть,
Чтобы был доволен каждый
От души, не как-нибудь!
Если раньше «самоходки»
Поставлял иной завод,
То сегодня сковородки
Запустил на полный ход.
И бегут платформы с лесом,
Там — с рудой, а там — с углем,
От Донбасса к Днепрогэсу
Ночь за ночью, день за днем.
Да! У нас одна забота
И мечта у всех одна,
Чтобы к солнечным высотам
Поднялась опять страна —
Сильной, славной и могучей
От столицы до села,
Много краше, много лучше,
Чем когда-нибудь была.
Дни сражений миновали,
Мы неплохо воевали —
Как солдаты, выполняли
Нашей Родины приказ.
И сегодня, в мирный час,
Дорогая мать-Отчизна,
Положись опять на нас!

* * *

Всем, что Родина имеет,
Сообща народ владеет,
Счет ведет полям, лесам,
Нивам, пастбищам и водам,
Шахтам, копиям и заводам
И в пример другим народам
Управляет ими сам!
И у нас стоят у власти
Не помещик, не банкир,
А простой рабочий — мастер
И колхозный бригадир.
Выбираемый народом
Наш советский депутат

Не дворянским знатен родом
И не золотом богат.
Он богат своей свободой
И сознанием того,
Что от имени народа
Он вершит судьбу его!
Он богат своей любовью
К той земле, что в грозный час,
Окропив своею кровью,
Он, как мать родную, спас.
Соберутся две палаты,
Сядут рядом депутаты:
Белорус и армянин,
Украинец, молдаванин,
Осетин, казах, татарин,
И эстонец, и грузин —
Все народы, как один!
Их не мало соберется,
Сыновей и дочерей:
И солдат, и полководцев,
И других богатырей!..
С нашей партией любимой
Мы нигде не делимы.
За народ стоит она,
С нею Родина сильна.
Кто сегодня неизвестен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ
И за партией идет,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живет!
Так поможем нашей власти
В городах и на селе
Добывать народу счастье
На родной своей земле!

Роберт Рождественский
Баллада о зенитчицах

Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу

этот след...
На батарее
были сплошь —
девчонки.
А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне...
В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне.
И старшая,
действительно старея,
как от кошмара заслонясь рукой,
скомандовала тонко:
— Батарея-а-а!
(Ой мамочка!..
Ой родная!..)
Огонь! —
И —
залп!
И тут они
заголосили,
девчоночки.
Запричитали всласть.
Как будто бы
вся бабья боль
России
в девчонках этих
вдруг отозвалась.
Кружилось небо —
снежное,
рябое.
Был ветер
обжигающе горяч.
Былинный плач
висел над полем боя,
он был слышней разрывов,
этот плач!
Ему —
протяжному —

земля внимала,
остановясь на смертном рубеже.
– Ой, мамочка!..
– Ой, страшно мне!..
– Ой, мама!.. –
И снова:
– Батарея-а-а! –
И уже
перед ними,
посреди земного шара,
левее безымянного бугра
горели
неправдоподобно жарко
четыре черных
танковых костра.
Раскатывалось эхо над полями,
бой медленной кровью истекал...
Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам.
И падали.
И поднимались снова.
Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.
Неслышанное:
«Ты моя – навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала...»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.
И то, чтоб закричать
в родильном
доме:
«Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне!»

И ласточку.
И дождик над Арбатом.
И ощущение
полной тишины...
...Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

Юлия Друнина
Зинка

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.
— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.
У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.
Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.
С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окружение попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.
Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.
Мы не ждали посмертной славы.-
Мы хотели со славой жить.

...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?
Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.
— Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.
У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.
И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

Сергей Погореловский
Имя

К разбитому доту
Приходят ребята,
Приносят цветы
На могилу солдата.
Он выполнил долг
Перед нашим народом.
Но как его имя?
Откуда он родом?
В атаке убит он?
Погиб в обороне?
Могила ни слова
О том не проронит.
Ведь надписи нет.
Безответна могила.
Знать, в грозный тот час
Не до надписей было.

К окрестным старушкам
Заходят ребята –
Узнать, расспросить их,
Что было когда-то.

— Что было?!
Ой, милые!..
Грохот, сражение!
Солдатик остался
Один в окружение.
Один —
А не сдался
Фашистскому войску.
Геройски сражался
И умер геройски.
Один —
А сдержал,
Поди, целую роту!..
Был молод, черняв,
Невысокого росту.
Попить перед боем
В село забежал он,
Так сказывал, вроде,
Что родом с Урала.
Мы сами сердечного
Тут схоронили —
У старой сосны,
В безымянной могиле.

На сельскую почту
Приходят ребята.
Письмо заказное
Найдёт адресата.
В столицу доставят
Его почтальоны.
Письмо прочитает
Министр обороны.
Вновь списки просмотрят,
За записью запись...
И вот они —
Имя, фамилия, адрес!
И станет в колонну
Героев несметных,
Ещё один станет —
Посмертно,
Бессмертно.

Старушку с Урала
Обнимут ребята.

Сведут её к сыну,
К могиле солдата,
Чьё светлое имя
Цветами увито...
Никто не забыт,
И ничто не забыто!

Алексей Сурков
Утро победы

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.
Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец:
— Отмаялись! Баста!-
И заметил подснежник во рву.
И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.
Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.
Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

Этюд
Женщины войны

«Старшая дочка» Сизикова Светлана Анатольевна
Лиза ходит в школу.
Чистая тетрадь.
Но слова о папе
Некуда писать.
Потому что папа
Где-то на войне.
И ночами часто

Очень снится мне.
Он сказал: Я скоро!
И ушел в рассвет.
Поднимаю шторы -
А его там нет.
Я пишу в ладошке,
Вывожу слова,
Чтоб не понарошку,
Не на рукавах.
Я письмо писала:
Как живу сейчас.
Сколько нахватала
Двоек в этот раз.
Жду тебя я очень!
Чтоб как Дед Мороз-
Появился ночью,
Потрепал мой нос.
Пристыдил: А ну-ка! Двойки исправлять!
И меня на ручках
Ты унес в кровать.
У меня есть школа.
Папины черты.
И слова в ладошке:
Папа, где же ты?

«Под клёнами» Анатолий Софронов

Цвела весна зеленая
Под небом голубым.
Мы встретились под клёнами
С курсантом молодым.
И в вальсе закружились...
Играл на мостовой
Военного училища
Оркестр наш духовой.
Ушла далеко конница
К Дунаю воевать...
Пока война не кончится
Нам свадьбы не сыграть.
Притихла наша улица,
Лишь клен шумит листвой,
Но мне порою чудится
Оркестр наш духовой.
Мы встретимся под кленами,

Я знаю — он придет,
Майорскими погонами
И шпорами блеснет.
Пройдет весна над рощами,
Над тишью городской,
И загремит на площади
Оркестр наш духовой.

«Гимн фронтовичек», А. Соболев

Девушки, и жены, и невесты
В дни начала страшной той войны
Получили лично строгие повестки
В бой идти за жизнь родной страны.
Летчицы, зенитчицы, связистки,
Снайперы, медсестры и врачи
Помогли спасти страну от орд
фашистских,
Мир с врагом победой заключить.
В городах, от фабрик и заводов,
Шли на фронт их нежных рук девчат
Непрерывно все четыре с лишним года
Ружья и одежда для солдат.
Нины, Кати, Ани и Людмилы
В селах тыла, не боясь труда,
Сытным хлебом весь народ в войну
кормили,
Армию, деревни, города.
Нынче Маргариты, Лиды, Лены —
Все вы уважаемы в стране,
Мамы всех живущих ныне поколений
И живая память о войне.

«Бинты» Юлия Друнина

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движение это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,

Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненные метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.
Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе.

«Русской женщине», Михаил Исаковский

...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..
В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.
Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.
Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь...

«Молитва матери», Башмакова Наталья

Жду о сыне я всё новостей
И листаю каналы, листаю.
Но там нет про сыночка вестей.
Зачем кнопки я вновь нажимаю?
В мире много пустых новостей,
Но я сайты упорно листаю.
Добавляю в друзья матерей,
Как вам трудно они только знают.

Летит ракета или дрон,
Спаси, помилуй Бог ваш схрон.
Пусть он вас точно сбережёт
И всех домой живых вернёт!
Отцов и братьев, сыновей
Верни, Господь, России всей.
И награди всех матерей,
Ведь нет молитвы их сильнее..
Каждый день я молюсь и молюсь,
Что с тобою, сынок я не знаю,
Но поверь, мой хороший дождусь!
Боже слышишь, тебя заклинаю:
Сбереги нашу Матушку Русь!
И ребят, что её защищают.
Успокой ты сердца матерей,
Что дожидаться, сыночков мечтают.

«Женщины войны», Шахова Юлия

Поклон вам низкий, женщины войны!
Медсестры, жены, матери, солдаты...
За то, что вам сейчас, как и когда-то
Тревожные ночами снятся сны.
За то, что вам неведом был покой,
С улыбкой и бинтами в арсенале,
Солдат на ратный подвиг вдохновляли,
И с ними вместе шли на смертный бой...
В тылу трудились тоже по-мужски,
В две смены! На износ! А вечерами,
От голода ослабшими руками
На фронт вязали теплые носки...
Поклон вам низкий, женщины войны!
За вашу доблесть, мужество и силу,
За то, что слишком рано вас накрыла
Война покровом скорбным седины!

Надя Вадина Лагерная мать

На полке среди старых книжек
Лежит листок бумаги серой -
Рисунок семилетнего мальчишки,
Пропитанный слезами, горем, верой.
В халате бело-сером и в чепце

Ребенка обняла сестричка.
Слеза на нарисованном лице,
Нелепо разукрашенная спичкой.
Старик достал листок, и где-то плакал
В душе задиристый мальчишка,
Глаза закрыл и снова он в бараках,
Уж не Григорий Авраамович, а Гришка.
Меж нар гуляет ветер, жуткий холод.
Он робу поправляет - велика.
Людей терзает постоянный голод,
Он до сих пор изводит старика.
Что в лагерь их везли, они не знали,
В пути мелькали крыши деревень.
А то, что здесь почти всех убивали,
Узнал мальчишка сразу, в первый день.
Стреляли в мать, а он кричал : " Не надо!",
Ревел, заметив, как упал платок.
Конвойный лай, глухой удар приклада,
Потек по шее алый кипяток.
С тех пор не слышит больше правым ухом,
Был без сознания, тащили в лазарет.
Пушай он телом пал, не пал же духом,
Теперь один, отца и матери уж нет.
Так непривычно жить почти без звука,
Вдруг у кровати молодая пани,
Как ангел, держит крепко его руку,
Полячка вроде, санитарка Анни.
Она мальчишке не чужая стала,
Возможно, он ей чем-то приглянулся.
И песни пели вместе, те что знала,
Пусть хоть немного слух к нему вернулся.
Вот на соседней койке кто-то стонет,
И на лице кровавая повязка,
Девчонка чуть постарше - Тоня:
"Врачи хотели поменять мне глазки,
Да только что-то там не получилось!"
Она шепнула Грише на ухо тайком:
"Да, мне сегодня ночью мама снилась,
Она попала в печь и стала угольком".
А Грише снится сахар и картошка,
Пальтишко из овчины для тепла,
Всеим этим поделился бы немножко,
Но ранним утром Тоня умерла.
Как все он ел траву, жевал газету,

Ослаб, вторые сутки встать не мог.
Ты в лагере - не человек, а просто "это" -
Уже почти что крематорный смог.
Мальчишка понял, что бороться важно,
Иначе жизнь закончишь прямо тут.
Ведь даже просто это слышать страшно,
Как крысы ночью бегают и ждут.
"Ты молча ешь, а то нас расстреляют,"-
И кто-то в руку корку хлеба положил.
Конечно, он узнал, те руки исцеляют
И посланы сюда судьбою, чтоб он жил,
Чтоб в старости он нежно внуков обнял,
Чтоб смог потом кому-то рассказать.
Раз лагерь мать родную взял и отнял,
Решил мальчишка Анни мамой звать.
По четвергам ребята кровь сдавали,
Здесь Гриша чемпионом был - пятнадцать раз.
Держался тихо, смелых убивали -
Пинали в комнату и там пускали газ.
Он в лагере прожил вот так два года
И только с возрастом весь ужас осознал.
И каждый день он про себя: "Свобода!"-
Как драгоценную молитву повторял.
- "Что за листок ты держишь, деда Гриша?
Кто нарисован тут, я что-то не пойму?"
-"Погромче, внучка, Тоня, я не слышу,
Иди ко мне, тебя я крепко обниму!"
Ведь многие сейчас на прошлое плюют,
Считают грех фашистов не таким уж тяжким.
Вот он бы и забыл, да только не дают
Наколотые цифры под его рубашкой.

Марина Смирнова **Шеврон**

У меня есть шеврон - драгоценный подарок Солдата!
Как реликвию буду его я беречь и хранить!
Даже годы спустя он не даст мне забыть, как когда-то
Я горела душой и как сильно умела любить -
Всех СВОих - тех, кто мне словно братьями стали,
Кто не гнулись под тяжкою ношей жестокой войны,
Не за деньги сражались они и не за медали,

А за жизнь, за свободу и будущность нашей страны!
Всех СВОих, кто в тылу прикрывали солдатские спины,
Кто в тяжёлое время плечо им подставил своё!
Кто подумать не мог бы о том, что пройти можно мимо
Той беды, что постигла Отечество снова моё!
У меня есть шеврон - драгоценный подарок Солдата,
Он прошёл с ним весь путь, он так много всего повидал!
Не узнать никогда мне всей страшной и горестной правды -
Сколько раз на пути своём смерти он видел оскал?
Сколько раз закрывал он глаза у погибшего брата?
Сколько раз, чтобы выжить в том пекле он сам убивал?
Сколько жарких молитв и отборного русского мата
С верой он возносил и во гневе порой изрыгал?
Сколько он повидал там людского страдания и горя?
Столько, будто он сам ими полон теперь до краёв!
Как способен в себя уместить человек столько боли?
Но хочу ли я знать это? Нет, упаси меня Бог!..
У меня есть шеврон - я потом покажу его внукам
И об этой войне им всё честно, как есть расскажу!
А пока со СВОими стою в этом пламенном круге -
В круге тех, кто душою горит за Отчизну свою!
И наш круг будет шириться, будет всё больше и больше,
Мы - единый народ, мы должны отстоять отчий дом!
Помоги, дай нам сил и терпения, Господи Боже!
И прошу береги Ты того, кто мне дал свой шеврон!
Он опять где-то там... Я его при встрече спросила:
"Ну зачем тебе снова туда? Ты ведь сделал что мог!"
Он в ответ лишь сказал: "А мы что, уже победили?
Я там нужен ещё!" и уехал обратно на фронт...
У меня есть шеврон - драгоценный подарок Солдата!
Как реликвию буду его я беречь и хранить!
Даже годы спустя он не даст мне забыть, как когда-то
Нас собою Солдат заслонил, чтобы мы могли жить!..

Андрей Дементьев
Балада о матери

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.
...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне,
Все пришли в кино — и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.
Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик;
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей! — просили, — добеги!..
Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог...
Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

Джек Алтаузен
Девочка играла возле дома

Выбежала девочка из дома
Маленькая, в мамином платке,
Старенькие валенки знакомо
Весело блестели вдалеке.

Куклу на салазках покатала...
С чёрной собачкой у ворот

Долго по-ребячьи лопотала,
Рукавичка ей совала в рот.

Бегала то к дому, то к сараю
И шептала. Прячась за крыльцо:
-Я с тобой собачка, не играю,
Ты чего слюнявишь мне лицо?

Топала по тропке возле дома,
Щёчки на морозе расцвели...
Вдруг, хрустя по снегу незнакомо,
Злые люди к дому подошли.

Вытащили всё, что в доме было,
Даже карандашик и тетрадь-
Ту, в которой девочка любила
Ласточек для мамы рисовать.

Вынесли подушки и корзины,
Свёрток детских трусиков цветных,
И такие были образины
Лютые и жадные у них.

Разбросали карточки по дому,
Снимки, что в альбомах берегли,
И потом зажжённую солому
Равнодушно к двери поднесли...

Зазвенели выбитые рамы.
Полыхнуло пламя через край.
И раздался хриплый голос мамы:
-Доченька, любимая, прощай!

Чёрным дымом крыша вся покрылась,
Вспыхнул клён, что рос невдалеке.
Губки задрожали, покатилась
Крохотная слёзка по щеке.

Мамочка. Любимая, родная!
Посмотри, сейчас расправлюсь я
С этим, на котором шерстяная
Вязаная кофточка твоя.

Кулачишки маленькие сжала-

Сердце быстро прыгнуло в груди,-
К рыжему фашисту подбежала
И сказала звонко: - Уходи!

Был он длинный, грязный и плечистый,
Был он молод, жаден и жесток.
И сорвал он с девочки пушистый,
Тёплый, мамин, ласковый платок.

Волосёнки ветром растрепало.
Слёзы стыли возле самых век.
Треснул, выстрел-девочка упала
Личиком курносый прямо в снег.

В это утро мы в окопах были,
А потом рванулись точно в срок
И атакой яростной отбили
Небольшой районный городок.

Елена Ключищева
Письмо деду, пропавшему без вести

А знаешь, дед, у нас опять война.
Беда пришла откуда и не ждали.
И снова поднялась моя страна
За русский мир бои, не за медали.
Прости, родной, я не смогла найти.
Ты вечно в списках без вести пропавших,
Но ты сумел достойно путь пройти
С другими жизнь за Родину отдавших.
Ты там своим на небе расскажи
Полезли недобитые фашисты.
И снова в Белгороде рубежи,
И снова гибнут русские танкисты.
Ты даже не поверишь. Знаешь, Дед,
Кто в спину нам ударил? Самый близкий.
Из Украины тот кровавый след.
Мемориалы сносят, обелиски.
Мы победим! Ты спи, спокойно, Дед.
Мы русские! Бог, правда с нами.
И ваших не забудем мы побед
Русь велика достойными сынами.

Степан Щипачев
Расплата

Пахнет гарью. Воздух пышет жаром...
Пламя проносилось по селу.
Всюду пальцы страшного пожара
шевелият горячую золу.
Куры хохлятся на пепелище,
где вчера куриный был шесток.
Бродит женщина, кого-то ищет,
сбился чёрный с седины платок.
Дочка, где ты, где? —
перед глазами две косички,
бантик голубой,
самолёты с чёрными крестами
над льняной, над детской головой.
Нет страшней того, как гибнут дети,
на песке на рельсах — кровь детей.
Говорят, проходит всё на свете, —
безутешно горе матерей.
О, расплата! Близится расплата
пулей, бомбой, громом батарей.
Близится! Да будет трижды свято
мщение за горе матерей!

Наталья Самкова
Военным корреспондентам посвящается

Ночь, передовая, начинался бой.
Из газеты прислан парень молодой.
Что-то пишет, пишет, слушая солдат,
Наготове держит фотоаппарат.
" Ты не рвись за нами, - шепчет капитан -
Этот бой жестокий, впереди туман.
Ты, сынок, так молод, жить тебе и жить.
Выживи, пожалуйста!" Стали бомбы выть,
Засвистели пули, не видать не зги.
Крики утонули: " Ты, браток, живи!
Описать ты должен каждый миг и час.
Будь же осторожен, напиши про нас!"

" Должен!" - мозг усиленно повторяет вновь,
По руке дрожащей струйкой льётся кровь.
" Должен!" - повторяет времени полёт,
И спец.корр - мальчишка, за бойцом ползёт.

Видит он, снимает, жизнь и смерть ребят.
" Должен, должен, должен!" - вновь виски стучат.
Чтобы знали люди, чтобы не забыть,
Как, какой ценою, взято право жить.

Небо разлетелось в мелкое стекло,
Смертью пропиталось, в поле понесло.
И настиг осколок, и упал солдат.
На спец.корра бросил потускневший взгляд:

" Ты, сынок, при штабе, адресок возьми,
Напиши, коль сможешь, фото отошли.
Нет отца, погиб он, брат сгорел в бою.
Не забудь, при штабе, я тебя молю!"

И взглянуло небо в мёртвые глаза,
Разразилась в небе сильная гроза.
Грязь месили танки с кровью пополам.
Отползал спецкор наш, к раненым бойцам.

Уходила буря, унося с собой,
Души завершивших свой последний бой.
Паренёк, ругаясь, продолжал снимать,
Вдруг услышал рядом: " Ты куда? Лежать!"

Был тот крик последним, что он слышать мог:
" Ты куда же лезешь? Здесь же бой, сынок!"
" Передайте это - прошептал в бреду, -
Бейтесь до победы! Я уж не дойду.

Только сберегите камеру, и вот..." -
И залитый кровью, достает блокнот:
" Передайте..." - в небо устремил свой взгляд.
Где над ним, как вороны, мессеры кружат.

Война отгремела, победной весной,
Солдат вспомнил парня и тот жуткий бой.
Достал папиросу и, с грустью, сказал:

" Как жаль, что мальчишку в бою потерял.

Я б памятник людям таким изваял,
Кто память, в бою, по крупичам собрал.

Собрал воедино, в один монолит,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО, НИКТО НЕ ЗАБЫТ"

**Муниципальное дошкольное образовательное
учреждение**

**«Центр развития ребёнка – детский сад № 2
«Радуга Детства»**

**623534, Свердловская область, город Богданович,
улица Яблонева, дом 88,
тел. 8 (34376) 55780; 8(34376) 55785;
e-mail - mdou2@uobgd.ru**

